

Про Зон

Кто? Кто? Кто?

К

то же этот человек, что сверху распорядился увезти Заболоцкого в Петербург так скоро? — Катя Чумбоева повышает голос. Хочется эту пластиковую телефонную трубку засунуть кому-нибудь в теплое и укромное место, чтобы не повадно было ей на сутки звонить с такими чудесными новостями.

— Катенька, успокойся. Утром его заберут, а ты официально отправляйся на больничный. Это мое личное пожелание. — Голос старика Оtegoва сонно похрипывает. Видать, его там добрые люди тоже разбудили. И не спится же какой-то паде в Петербурге, а!

Катя бросает трубку и пинает стол. Нога взрывается острой болью, Катя тоненько, высоко пищит, скорчив лицо.

Инна Борисова

Давненько не болела, чего вдруг? Она допивает остывший черный чай, с грустью смотрит на перемазанную годовыми кольцами заварки кружку. Надо помыть... Ай. Потом. Из сумки достает помаду со спичкой, докрашивает губы. Глаза красные с недосыпа, морда опухла. Красота неземная. Она встает и медленно бредет вниз, проверить Заболоцкого. Ну и новости ему сообщить... В приемной дремлет Фурсов, жужжит счетчик, тикают часы. Дверь, ведущая в коридор ИВС, приоткрыта, оттуда доносятся тихие голоса.

— Да не будет ничего, ты меня нае~~жи~~ваешь. Бесам верить нельзя, — Заболоцкий яростно шепчет.

— Отдай обратно, — ему отвечают таким же шепотом. Как будто бы женщина. Неясно.

— Чем он так ценен?

— Что ты хочешь за него?

Катя резко открывает дверь и включает свет. Гриша сидит у решетки, вцепившись в прутья, смотрит на нее удивленно.

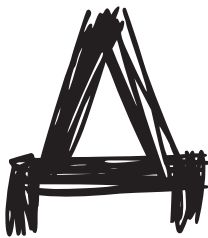
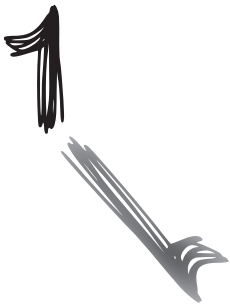
— С кем ты говорил? — Катя ощупывает пистолет на поясе.

— Ни с кем. Ты кого-то здесь видишь? Я же шизик, как Фурсов сказал. Вот и разговариваю сам с собой.

— Разными голосами?

— Вам показалось, капитан.

Не показалось

воемыслие. Забавный феномен, делающий человека удобным для почти любого социального слоя. Мы выше политических дрызг, политика — грязь, к которой не хочется прикасаться, лучше обсудим другую тему. Но, если уж разговор неизбежен, приходится принимать одобрительно-нейтральную позицию. Потому что у тебя, на самом-то деле, никакой позиции нет, только жажда сиюминутного комфорта и денег. С коммунистами хвалить Ленина, а с националистами — не отрицать величия фигуры Гитлера. Ничто не однозначно, хочется показаться человеком умным, но не слишком, чтобы ни в коем случае не стать мерилом морали, а то у тебя, вообще-то, дети. И диплом какого-нибудь геолога, там не до высоких

тут не хватает текста.

Инна Борисова

материй, лучше в котелке смешать водку, стущенку и чай, чтобы меньше спать и больше веселиться в палатке. Кому какое дело, что там наверху, если детям нечего есть?

Двоемыслие стало профессиональным кредо Ольги Соколовской. Впрочем, это всего лишь работа. Она аккуратно вынимает ступни из сдавивших ноги туфель и выдыхает с облегчением, наслаждается вечерней прохладой. Вечером Смоленск прекрасен, хоть и беден, обилие зелени в городе радует ее, а нежиться в лучах закатного солнца в маленьком парке — настоящая благодать. Ольга сверяется с часами — еще пять минут. Солнце пробивается сквозь кроны тополей, чьи стволы покрыты вырезанными сердцами и похабными словами. На скамейке напротив Ольги сидит старик в кепке и методично выковыривает ножом содержимое из булки.

Детская площадка в парке представляет собой сюрреалистическую инсталляцию: карусель, одна половина которой ярко-синяя, а другая — выцветшая до серости, вращается под порывами ветра, скрипя, как несмазанная виселица; дети визжат, прыгают, не обращая внимания на разруху и ужас вокруг. В детстве все кажется очень ярким и загадочным, а не отвратительным. Ольге даже завидно. Дети. Соколовская никогда не хотела детей, а сейчас вдруг поймала себя на мысли, что могла бы стать отличной мамашей, не будь она скована долгом. У нее уже есть один непоседливый ребенок, и имя ему Ленинградская область. В последние годы он вошел в свою подростковую фазу развития и начал откровенно буянить.

С дороги сворачивает иномарка и паркуется у ворот. Из нее выходит человек и не спеша идет по направлению к Соколовской. Она закуривает, продолжая смотреть в сторону.

Бойся / не бойся

— Как насчет ужина? — Старенькая лавочка вздрагивает, когда ее собеседник присаживается рядом. Ольга усмехается. — Когда услышишь выстрел — беги.

— Откажусь, пожалуй. Решил поиграть в шпионский боевик? — Чуть поворачивает голову, рассматривая лицо. Тонкие нити морщин под глазами, черные, пустые глаза. Форма пограничника ему совсем не идет.

— Нет. Я бы сказал, что на границе ничего не случилось, но это было бы ложью. — Уголок его губ дергается. — Что ты хочешь? Столько лет прошло. Неужто решила вспомнить юность?

Ольга кусает губы, давит улыбку.

— Нет. Просто хочу, чтобы знал: ты почти мертвец. И времени у тебя нет. Как и у меня, впрочем. — Она шумно выдыхает дым носом.

— И какая тебе с того выгода? Мы никогда не были на одной стороне. — Он тянет руку, Ольга вручает ему пачку сигарет. Затем открывает дипломат и выкладывает бумаги на лавку. *О пап документах?*

— Знаешь, что такое метастазы? Они распространяются от опухоли на все тело, и поражения фатальны. Ознакомься. Драгоценности, которые вы украли на границе, будут отличным поводом снова тебя посадить, навесить еще парочку статей и расстрелять. Ты умрешь, если останешься. Уезжай.

Гробовецкий бегло смотрит бумаги.

— Ты сама это нарыла? Браво. — Марк устало массирует переносицу. — Так какая тебе с этого выгода?

— Осенью остатки воровского совета покинут тюрьму и вызовут тебя. Тебя раскоронуют, ты станешь никем, а они

Инна Борисова

вступят в преступный сговор с тем, кто отмывает государственные деньги в правительстве. Это ключевой момент. Спустив это сейчас, мы останемся в меньшинстве, и не будет больше никаких понятий и никакой офицерской чести. Только деньги.

— Мы? — Гробовецкий ухмыляется. — Это тебе одиннадцать чемоданов компромата подсказали?

Ольга убирает бумаги обратно в дипломат.

— Справедливость — это точка зрения, ты же знаешь. Ты ворует, я ловлю, но, когда украли у нас обоих, думаю, есть о чем потолковать.

— Не совсем понимаю, что можно украсть одновременно у чекистов и воров. Не просветишь?

Ольга тушит сигарету, поднимается, расправляет юбку.

— Страну, Марк. Тебя-то вопросы Родины никогда не волновали, поэтому уезжай. Сдай мне слабые места рецидивистов, чтобы я успела договориться с ними раньше, чем он.

Гробовецкий разваливается на лавке.

— Они не будут сотрудничать с гэбней. Не в их правилах.

Ольга смотрит насмешливо.

— Ох уж эта кровавая гэбня, да? Правил больше нет. Старый мир умер в девяносто первом, и каким будет новый — решается сейчас. Все наши соображения о правильности не имеют смысла в мире приватизации.

— А что, если я скажу тебе, что я об этом знаю и уже предпринимаю меры?

— Я об этом догадывалась. Поэтому подумай над моим предложением, а потом уезжай. Не мешайся. — Ольга идет к выходу из парка.

Бойся / не бойся

— Я простил тебе твое предательство, если ты вдруг волнуешься об этом. Хотя я сомневаюсь.

Ольга останавливается всего на секунду, но одергивает себя и идет дальше. Она заворачивает за угол, когда раздаются выстрелы, но не сбавляет шаг, садится в служебную «Волгу» и заводит мотор. Прочь из города. В Москву она возвращается глубокой ночью, останавливается у привокзального кафе глотнуть кофе, приветственно кивает ночным бабочкам, что толпятся через дорогу. Она знает их довольно хорошо, не раз помогала дамам выйти из передряг, за что они платили ей ценнейшей информацией. Времена нынче не те, чтобы чураться рукопожатий с путанами. Ночная Москва желтая. Ольге не нравится желтый свет, она предпочитает периферийный оранжевый окрас фонарей, меньше пыли в воздухе и отсутствие запаха бензина. Подходит проститутка, Соколовская сует ей зеленую бумажку и получает заветный клочок в ответ, они не обмениваются любезностями. Просто деловой подход. Она выкидывает стаканчик в мусорку и возвращается в машину, на Лубянку бы заглянуть, но хочется выспаться для начала. Этот мир перестал принадлежать им. Ведомство пыжилось, корчилось, но ничего не могло сделать с разгулом преступности и хаоса в стране. Сама Ольга в политику не рвалась и презирала ее, но и копать под них не могла перестать. Двоемыслие. Вот оно.

Когда она случайно наткнулась на клубок ниток в горшочке и потянула за один его конец, пришлось соскрести остатки благородства из самых потаенных уголков души. В разведчики идут идеалисты, но со временем их сердце

тут тоже идет абзац

Инна Борисова

покрывается коркой плотного льда и чувства перестают существовать. А уж благородство выветривается еще во время учебы, остается лишь налет, пыль, которую собирать каждый раз все сложнее. Она может описать свою работу просто: рутина. Рутинa, рутинa, рутинa. Она не ловила пули зубами, не объездила весь мир, обманывая сильных мира сего, у нее даже не было дорогой машины и навыков акробатики. Была вереница любовников, но после сорока и они наскучили, в темноте все мужчины одинаковые.

Всего лишь работа, от которой развивается паранойя. И ненависть к заполнению отчетов.

Ольга садится в машину.

— Теряешь хватку.

Она вздрагивает, резко оборачивается.

— Михаил Иванович, а вы, как я вижу, хватку не теряете. — Ольга с облегчением разваливается в кресле. — Обязательно было вламываться в мою машину с загадочным видом?

— Иногда это необходимо, чтобы ты не расслаблялась.

А то как же! Ольга смотрит в зеркало заднего вида. Начальник ей хитро улыбается, пористый крупный нос, усышка и глубоко посаженные глаза. Дедок еще может дать жару.

— Я надеюсь, что все это лишь для того, чтобы, наконец, дать мне задание совратить богатого иностранца, уехать с ним за границу и броситься в ноги какому-нибудь ЦРУ, рассказывая страшные сказки про тринадцатый отдел. Отличная пенсия, программа защиты свидетелей, домик у моря. Сказка. Решайтесь, пока не поздно, а то мне уже сорок три и светлые волосы станут серебряными быстрее,

Бойся / не бойся

чем кажется. — Она включает верхний свет и начинает подкрашивать губы. — Видите, я уже готова, честно-честно.

Начальник сгружает сумку с документами на переднее сиденье.

— Вот тебе иностранец, ЦРУ и пенсия. Ознакомься и приступай. — Гадкий старикашка довольно хмыкает. — Рано, Оленька. Рано. Но тебе понравится.

Тонкие пальцы цапают сумку не спеша. Тяжелая, зараза. Три папки, две книги и одна старая тетрадка. Восхитительно. Она открывает первую и щурит глаза.

— Колдун? Seriously? Надеюсь, что все как в телевизоре: он останавливает танки пассажирами рук, лечит одним взглядом и подарит нам рецепт бессмертия. Не думала, что Министерство безопасности превратилось в наследие предков. — Ольга оборачивается: — Михаил Иванович, меня больше волнует, что в правительстве Петербурга... *что?*

Он мягко ведет рукой по воздуху, призывая замолчать.

— Правительство тебя не касается. Ты должна помочь ему.

— Что? Помочь уголовнику?

Ольга еще раз сверяется с папкой. Серийный убийца, какая прелесть!

— Оля, ты понимаешь, о чем я говорю. Я хочу, чтобы он с нами работал. Ты же у нас особенный сотрудник. И он не один, их там целый выводок, я тебе говорю наверняка. Ты понимаешь, какой это шанс? Только ты можешь их оттуда выкурить, я столько лет ждал... Твои способности нужны стране в этот беспокойный час.

Ольга глотает протест. Начальнику уже далеко за семьдесят, может, он верил в Мессинга или еще кого. Все допускают ошибки. Возрастные изменения в мозге не способствуют

Инна Борисова

внятному мышлению, а разубеждать его она, как обычно, не будет. В конце концов, это залог ее безопасности.

— Допустим. И что, мне их всех в ведомство нужно конвоировать и заставить заколдовать западных лидеров? — В голосе явный сарказм.

— Мы разберемся, Оленька, что с ними делать. Ты убеди сотрудничать. — Начальник хлопает ее по плечу сухой ручкой.

— Столько информации... Сомневаюсь, что вы узнали об этом после его ареста.

— Нет, я давно наблюдаю. Помнишь Марию Ивановну? Ну которая тогда...

— Помню, — грубо обрывает его Ольга. — И?

— Она отказалась от работы, хотя и помогла мне пару раз при условии, что я не буду лезть. Но, раз она мертва, мы можем получить всех. Это бабушка нашего подозреваемого.

Ольга отправляет папку обратно в сумку. Начальнику мало кто мог отказать, может, он просто был сердечен к ней привязан, а может, случилось что-то более удивительное. Скорее второе. Не хочется читать лекцию, что ему самому пора на пенсию пить таблетки. Ей бы тоже не пропустить прием.

— Это все? — Ольга обворожительно улыбается. — Уже очень поздно, я ценю, что вы не даете мне заскучать, но боюсь, что Александра Маратовна будет недовольна. Я справлюсь, правда. Вас подвезти на Лубянку?

Начальник отдает честь.

— У меня еще пара ночных визитов, так что спешу откланяться. Пожалуйста, исследуй все перед тем, как пытаться его допросить. Договорились? Бывай.